

6. Основные черты некрасовского лиризма. - Мелкие недостатки и великие достоинства

Долго зревшее вдохновение вылилось в могучем и широком аккорде. Как мы только что видели, Некрасов сразу затронул почти все главные мотивы своей поэзии. Нельзя, однако, сказать, чтобы в следующие затем годы муза его отличалась особенной плодотворностью. Выпадали периоды, когда он писал по одному, много - по три небольших стихотворения за целый год (счастливым исключением был только 1853 год, когда возникли целых двенадцать пьес). Напав на настоящую дорогу, осознав настоящее свое призвание, поэт все еще, казалось, не был в себе уверен и с крайней осторожностью, почти с робостью пользовался своим поэтическим даром. Впрочем, следует принять в расчет и то, что для русской литературы это были исключительно тяжелые годы, меньше всего благоприятствовавшие расцвету такой именно музыки, как некрасовская ("музы гордой и несчастной, кипевшей злобою безгласной")...

... Некий образ посещать
Меня в часы работы стал:
С пером, со склянкою чернил
Он над душой моей стоял,
Воображенье леденил,
У мысли крылья обрывал.

Таким образом, за первое десятилетие (1845-1854), кроме указанных уже выше, можно отметить еще лишь следующие выдающиеся стихотворения: "Еду ли ночью", "Муза", "Маша", "Извозчик", "Памяти Белинского", "Буря", "Несжатая полоса", "Влас", "Свадьба", "Блажен незлобивый поэт" и "Внимая ужасам войны". Все это сравнительно небольшие по объему вещи. Но зато в течение следующих десяти лет (1855-1864), открывших собой новую эру в жизни всей России, Некрасов обнаруживает почти лихорадочную деятельность. Он приступает к созданию широких картин общественной и народной жизни, и первым блестящим опытом этого рода становится поэма "Саша". Большие вещи чередуются с множеством мелких лирических пьес. Рядом с "Несчастливыми", "Поэтом и гражданином", "Тишиною", "убогой и нарядной", "В больнице", "Размышлениями у парадного подъезда", "О погоде", "На Волге", "Рыцарем на час", "Папашей", "Дешевой покупкой", "Крестьянскими детьми", "Деревенскими новостями", "Коробейниками", "Морозом, Красным носом", "Ориной" и "Железной дорогой" необходимо отметить в это время "Праздник жизни", "На родине", "Замолкни, Муза", "Школьник", "Прости", "Забывшая деревня", "Тяжелый год", "В столицах шум", "Ночь", "Одиноким, потерянным", "Плач детей", "Похороны", "Свобода", "Стихи мои", "Зеленый шум", "В полном разгаре страда деревенская", "Надрывается сердце", "Памяти Добролюбова", "Благодарение Господу Богу". Уже из этого неполного перечня произведений Некрасова за 1855-1864 годы видно, что десятилетие это было наиболее кипучим и плодотворным в его творческой деятельности, как чрезвычайно кипучим и плодотворным было оно и в жизни всей России. Муза Некрасова всегда чутко отражала биение общественного пульса страны.

С падением этого пульса в середине шестидесятых годов замечается временный отлив и в поэзии Некрасова: для него это печальный период возрождения фельетона... Он пишет "Притчу о киселе", "Крещенские морозы", "Кому холодно, а кому жарко", "Газетную", "Песни о свободном слове", "Балет", "Суд", "Еще тройку"... Огромный талант и в это время продолжает, однако, вспыхивать яркими искрами - таковы "Ликует враг", "Неизвестному другу", "С работы", "Стихотворения для детей", "Медвежья охота".

Зато последнее десятилетие жизни поэта (1868-1877) отмечено новым чрезвычайным подъемом и ростом поэтического творчества: к этому именно периоду относятся "Русские женщины", "Кому на Руси жить хорошо", "На смерть Писарева", "Душно без счастья и воли", "Страшный год", "Памяти Шиллера", "Три элегии", "Уныние" и, наконец, несравненные "Последние песни"...

Окидывая мысленным взором эту огромную поэтическую работу, раскинувшуюся на пространстве тридцати двух лет, поражаешься прежде всего яркой определенности, если можно так выразиться - беспорности писательской физиономии Некрасова. Перед нами резко очерченная, удивительно своеобразная индивидуальность, которую ни с какой другой, на самое даже короткое мгновение, не спутаешь. Лишь очень немногие из самых крупных

писателей наших могли бы в этом отношении посоперничать с Некрасовым. Даже, например, Пушкин, при всей исключительности его значения для русской литературы, остается до сих пор предметом разногласий для критики, хотя о сущности его "пафоса" уже исписаны целые горы бумаги. С одинаковым успехом пытаются перетянуть его на свою сторону представители прямо враждебных друг другу литературных партий... То же или почти то же можно сказать про Лермонтова. Казалось бы, протестующий характер его поэзии не подлежит спору. Но против чего, собственно, был направлен его протест - этот вопрос каждый из критиков решал и решает по-своему. Для одних "в поэзии Лермонтова слышались слезы тяжкой обиды", вызванные тем, что никогда с такой бесцеремонностью, как в николаевское время, права, честь и достоинство человека не приносились в жертву идее бездушного, холодного формализма. Лермонтов, согласно этому мнению, поистине гениально выразил всю ту скорбь, какую преисполнены были его современники. Между тем один из новейших критиков Лермонтова высмеивает такое толкование его поэзии. "Можно ли более фальшиво, - спрашивает г-н Андреевский, - объяснять источник скорби поэта?! Точно в самом деле после николаевской эпохи, в период реформ, Лермонтов чувствовал бы себя как рыба в воде! [*Мимоходом напомним почтенному критику, что ведь и Некрасов, в "земном" характере протеста которого не может быть сомнения, отнюдь не почувствовал себя "как рыба в воде" с наступлением "эпохи реформ"...*] Точно после освобождения крестьян, и в особенности в 60-е годы, открылась действительная возможность "вечно любить" одну и ту же женщину? Или совсем искоренилась "месть врагов и клевета друзей"?.. Современный Лермонтову формализм не вызвал у него ни одного звука (?) протеста. Обида, которою страдал поэт, была причинена ему свыше - Тем, Кому он адресовал свою ядовитую благодарность".

Очевидно, не так легко найти определяющую сущность и лермонтовской поэзии. Относительно Некрасова такого затруднения как будто не существует. Одно имя - и у друзей так же, как у врагов, сразу возникает перед глазами суровый и печальный облик писателя, который "лиру посвятил народу своему". Поэт сам дал своей поэзии меткое и характерное определение "музы мести и печали" - и оно стало ходячим. Одна ослепительно яркая, скорбная, гневно-рыдающая нота, не умолкая на протяжении тридцати с лишком лет, звучит в его стихах, "народному врагу проклятия суля, а другу у небес могущества моля". На народе сосредоточены все чаяния, тревоги, любовь и печаль Некрасова; счастье народа - все его помыслы, - народа как совокупности всех трудящихся и обремененных. Но так как подавляющую массу русского народа составляет крестьянство, то немудрено, что поэт всего чаще и охотнее воспевает мужицкое горе. С течением времени русский мужик становится для Некрасова как бы воплощением, символом человеческого страдания, живым образом русского Прометея...

О личных своих муках поэт, так много выстрадавший, столько тяжелого переживший, говорит удивительно мало по сравнению с другими поэтами-лириками, да когда и говорит, то большею частью для того только, чтобы заклеить себя как плохого гражданина, рассказать о своих ошибках и даже падениях... И самое большое, чего просит он у читателя, у родины, это не верить клевете и простить его за действительные вины... Много нужно иметь зложелательства и бесстыдства, чтобы Некрасова с его целомудренно-скромной, можно сказать - самоотверженной музой обвинять в желании разыгрывать роль "гражданского мученика"!

Как поэт Некрасов - лирик по преимуществу, лирик, исполненный одного сильного и глубокого чувства, всегда и всюду одушевленный одной идеей, ни на минуту не выпускающий ее из виду. Пишет ли он коротенькое лирическое стихотворение, большую ли эпическую вещь, смеется ли, плачет ли - он все тот же; даже когда он рисует простую картинку природы, по проникающему ее грустно-щемящему или умиленно-любовному чувству, по какому-то особенному, некрасовскому тону вы тотчас же догадываетесь, что поэт ни на секунду не расстается со своей "сокрушительной думой".

Поздняя осень. Грачи улетели.
Лес обнажился, поля опустели...
Только не сжата полоска одна...

Своеобразный склад, своеобразная музыка; если даже вы не знаете наизусть всего стихотворения, уже этими первыми строчками вы настроены на тон грустного рассказа. Или вот отрывок из "Крестьянских детей":

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши. Живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи.
Летит и другая какая-то птица -
По тени узнал я ворону как раз.
Чу! шепот какой-то... А вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз.
Все серые, карие, синие глазки -
Смешались, как в поле цветы...

В этой бесподобной картинке грусти и следа нет, но все же это не объективно спокойный, эпический рассказ. Разве вы не замечаете здесь разлитого в каждой строчке чувства глубокого умиления, того умиления, которое испытывает человек, рассказывающий о самом дорогом для него и заветном? И таков Некрасов всегда. Даже в произведениях, по внешности строго эпических, посвященных изображению народного быта ("Коробейники", "Кому на Руси жить хорошо"), он остается, в сущности, лириком, рассматривающим и природу, и жизнь сквозь призму личного чувства. В этом отношении любопытно сравнить Некрасова, например, с Пушкиным.

Лира Пушкина - дивный инструмент, решительно при всяком прикосновении издающий гармонические звуки. Все явления мира, как в зеркале, отражаются в чуткой душе поэта, и он переливает их в яркие поэтические образы, - часто совершенно независимые от собственных его настроений. Так, картины времен года в "Евгении Онегине" никакого видимого отношения не имеют к внутреннему миру героев романа: они вполне объективны и бесстрастны. Сейчас же после трагической смерти Ленского идет такое описание весны:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея, блещут небеса.
Еще прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют;
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют,
Стада шумят, и соловей
уж пел в безмолвии ночей.

Поистине "красою вечною сияет равнодушная природа"! Или - как объективна, например, пушкинская "Туча" ("Последняя туча рассеянной бури"): знаменитое стихотворение, как известно, внушено было поэту счастливо промчавшейся над его головой грозой из Третьего отделения, а между тем в самой пьесе уже не видно этого личного чувства. Вот это-то уменье поэта как бы отрешаться от собственной личности и ее внутреннего мира и есть первое необходимейшее условие эпического творчества. У Некрасова такого уменья почти не было; в его произведениях все теснейшим образом связано с общим душевным строем автора...

Возьмите, например, картину вырубki леса в некрасовской поэме "Саша". Тут все до того отражает субъективное настроение юной героини, что читатель проникается даже злобой к "явившимся с топорами" мужикам!.. Эту сравнительную односторонность, эту недостаточную широту поэтической восприимчивости, быть может, следует признать крупным недостатком Некрасова как художника, но в нем же, в этом "недостатке", нужно искать и причину его огромной силы, секрет необычайной власти над чуткими и отзывчивыми сердцами. Поэт пушкинского типа вряд ли мог бы с таким блестящим успехом выполнить поэтическую миссию эпохи освобождения...

Подобно мифическому Антею, который делался неодолимо сильным, прикасаясь ногами к матери-земле, Некрасов поднимается во весь рост своего могучего таланта и голос его приобретает полную силу всякий раз, когда он поет о горе народном; напротив, удаляясь от этого главного, возвышающего источника, он как будто ослабевает, утрачивает свои чары. "Чиновника", "Современную оду", "Колыбельную песню", "Нравственного человека", "Прекрасную партию", все сатиры 1865-1867 годов, "Недавнее время", большую сатирическую поэму "Современники" мы знали бы, может быть, не больше, чем многие остроумные стихотворения Минаева и Курочкина, если бы не подкупающее, гипнотизирующее имя Некрасова... С другой стороны, в некоторых и из только что названных сравнительно слабых вещей Некрасов вдруг, точно по мановению волшебного жезла, из юмориста среднего таланта превращается снова в перворазрядного лирика и достигает высоты лучших своих шедевров, как только "попадает на своего конька", вдохновляется впечатлениями и идеями известного порядка. Вспомните, читатель, то место в "Балете", вялом и фельетонно-болтливом, где на сцену выходит в крестьянской рубахе Петипа - "и театр застонал".

Все - до ластовиц белых в рубахе -
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе, -
Не артистка - волшебница ты.
Все слилось в оглушительном "браво",
Дань народному чувству платя,
Только ты, моя муза, лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, муза моя?
На конек ты попала обычный,
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки.
И ты думаешь: Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно-легка,
Так танцуй же ты "Деву Дуная",
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевел, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно...
: : : : : : : : : :
Прямоком через реки, поля
Едут путники узкой тропкою:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглюю.
От утра до вечерней поры
Все одни пред глазами картины:
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины,
Видишь, как под кустом иногда
Пропорхнет эта милая пташка,
Что от нас не летит никуда
(Любит скудный наш север, бедняжка!).

Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно, холодно... Мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Это едут мужики из города, где сдали в солдаты сыновей, и везут домой страшную кладь
- крестьянское горе:

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется,
До другого набора проплачется!..

Эта картина безысходного мужицкого горя на сумрачном фоне зимней русской природы
- даже и у Некрасова одна из наиболее сильных, а между тем вкраплена она в одно из самых
посредственных стихотворений...

Не менее замечательна бурлацкая песня "В гору" ("Хлебушка нет!"), распеваемая
разбойничьим хором "героев времени" в остроумной местами, но в общем прозаической и
растянутой сатирической поэме "Современники".

Итак, мы не отрицаем известной односторонности поэтической восприимчивости
Некрасова, односторонности, вытекающей из всего душевного строя поэта. С точки зрения
требований "чистого искусства" это, конечно, более или менее существенный недостаток. Но,
подобно тому как в живом человеческом лице наибольшую прелесть составляет иногда то, что
меньше всего отвечает отвлеченным требованиям эстетики, у Некрасова, как мы уже сказали,
теоретические недостатки являются нередко источником силы и обаяния его как поэта. Говоря
так, мы вовсе не думаем, конечно, утверждать, что поэзия Некрасова свободна решительно от
всяких изъянов и недочетов; напротив, их очень много... Мы знаем это ничуть не хуже его
многочисленных недругов, отыскивающих малейший предлог, чтобы отнять у своего идейного
противника самый титул поэта. Мы только твердо уверены, что Некрасову не страшна никакая
критика и что наши потомки будут еще читать и любить его произведения в то время, когда не
останется уже и следа от крикливой славы тех гениев, которых нам ставили и ставят в пример
настоящей красоты и величия. Мы даже думаем, что, добросовестно отметив недостатки
Некрасова, мы тем лучше сумеем понять, чем в действительности силен Некрасов, что есть в
его поэзии великого и непреходящего.

Без обиняков следует, прежде всего, признать тот прискорбный факт, что период долгой
подневольной работы, писания фельетонов, водевилей, мелодрам, пародий и юмористических
куплетов не прошел для нашего поэта безнаказанно, испортив до некоторой степени его
природное чутье художественной меры и такта и отучив тщательно работать над воплощением
поэтического образа в стихотворной форме. У нас есть блестящий образчик того, чего мог
достичь Некрасов, следуя собственному правилу:

Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно;
Правилу следуй упорно -
Чтобы словам было тесно,
Мыслям просторно!

Мы имеем в виду "Бурю" ("Долго не сдавалась Любушка-соседка"). Напечатанное первоначально в "Современнике" (1850), стихотворение это было длинно и бесцветно; в печати его осмеяли... Но три года спустя Некрасов переделал пьесу, сократив больше чем наполовину, снабдив более певучим метром и расцветив удивительно жизненными красками; "Буря" стала неузнаваемой! К сожалению, такую виртуозность в обработке формы поэт проявлял далеко не всегда; обыкновенно он почти не делал поправок в напечатанном раз тексте, оставляя без внимания все указания и насмешки критиков.

Примеров не только стилистических, но и поэтических промахов Некрасова можно привести немало. Одним из самых важных, на наш взгляд, является уже много раз отмеченное критикой центральное место в стихотворении "Еду ли ночью". Эта превосходная в общем вещь пользовалась и пользуется вполне заслуженной популярностью; чего стоят хотя бы первые строки:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури ль заслушаюсь в пасмурный день, -
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!

Тут опять сказывается обычная способность Некрасова несколькими словами сразу создать у читателя известное душевное настроение: вы не прочли еще следующего стиха, а сердце уже стеснилось "мучительной думой". И вот в это-то удивительное стихотворение Некрасов ввел психологически невероятную мелодраму: молодая гордая женщина сейчас же после смерти ребенка, в виду его еще не остывшего трупа и на глазах у больного мужа, "приноряжается, будто к венцу", и идет на улицу продавать себя... Для чего? Для того только, чтобы купить "гробик ребенку и ужин отцу". Но для этого так немного нужно, что было бы, конечно, достаточно продать "венчальный" наряд! Если бы момент был выбран поэтом несколько иной, если бы, например, мать отправилась на улицу, видя страдания своего ребенка и надеясь еще спасти его, мы бы ее поняли; но то положение, которое изображает Некрасов, не вызывает к себе ни малейшего сочувствия, потому что оно по существу фальшиво. Разумеется, ни одна в мире женщина так не поступит...

Такой же мелодрамой, невысказанной в живой действительности, следует назвать и ту сцену во второй части "Несчастных", где каторжники хором отпевают "в бешеном весельи" своего умирающего товарища. Совсем не так ведут себя в подобные минуты русские арестанты (вспомним, например, сцену смерти Михайлова в "Записках из Мертвого дома" Достоевского)... Не говорим уже о том, что нигде в России каторжных не держат в подземельях (у Некрасова действие происходит вечером - значит, не в рабочее время). В тех же "Несчастных" Крот заинтересовывает арестантов рассказами о Петре Великом. Казалось бы, достаточно посвятить этим рассказам два-три, много - пять вечеров, у Некрасова же - "сто вечеров до поздней ночи он говорил нам про него"! К слову сказать, в цифрах наш поэт вообще не знает меры. Чиновник из "Филантропа" (напечатанного в 1853 году) рассказывает про себя: "Минет сорок лет зимой, как я щеку стал подвязывать, отмороживши хмельной". Действие рассказа относится этим фактом ко времени нашествия французов, а Некрасов имеет, конечно, в виду обличение современной ему эпохи. Помещик из "Кому на Руси жить хорошо" тоже сорок лет безвыездно живет в деревне, а между тем не умеет отличить ржаного колоса от ячменного... В лютый крещенский мороз в Петербурге Некрасов на пространстве пяти сажений насчитывает до сотни отмороженных щек и ушей... У присутственных мест в том же Петербурге стоят сотни сотен (значит самое меньшее - сорок тысяч!) крестьянских дровней...

Вычурным и неестественным кажется нам конец прелестного стихотворения "Выбор", где девушка, задумавшая наложить на себя руки, ничего лучшего не находит, как броситься вниз головой... с огромного дерева. В поэме "Дедушка" сын, встречающий возвращенного из ссылки отца-декабриста, "пред отцом преклонился, ноги омыл старику"... Княгиня Волконская скатывается вместе с кибиткой "с высокой вершины Алтая" - и ничего, остается жива и здорова (уж не подчеркиваем, что "вершины Алтая" стоят далеко в стороне от ее дороги). [Теперь, после опубликования подлинных записок княгини М. Н. Волконской, из предисловия к ним мы знаем, что Некрасов писал вторую часть своих "Русских женщин", строго придерживаясь документальных свидетельств. Не один упрек критики в тенденциозной и

сентиментальной выдумке сразу и навсегда отпадает... Между прочим Алтай оказывается фигурирующим и в подлинных записках княгини Волконской, так что Некрасов повторил только ее ошибку; но у него употреблено двусмысленное выражение "полетела с кибиткой", тогда как княгиня Волконская пишет, что лошади "понесли ее с самой высокой горы Алтая". См. интересную статью А. Г. Горнфельда "Русские женщины Некрасова в новом освещении" ("Рус. Богатство", 1904, No 4).] Фигура Савелия, "богатыря святорусского", несет явную печать гиперболы и шаржа, а сентиментальная история с губернаторшей точно взята из какого-нибудь пасторального романа... В главе "Счастливые" (в той же поэме "Кому на Руси жить хорошо") бросается в глаза следующий досадный недосмотр. В пьяную праздничную ночь, расположившись за деревней под густой липой, странники "прокликивают клич" в толпе слоняющихся кругом подвыпивших мужиков: "Нет ли где счастливого? На славу угостим!" И вот вместе с разными другими счастливыми "пришел с тяжелым молотом каменотес-олончанин". Спрашивается: откуда и зачем взялся у него в такую пору молот? Конечно, он явился на сцену единственно для красоты слога... Подобных промахов и недосмотров у Некрасова не оберешься. В первоначально напечатанном тексте стихотворения "В деревне" были стихи: "Добрая барыня Марья Романовна на три молебна дала" (вместо "панихиды")... И еще: "Деньги семнадцать рублей за упокой его душеньки подали" (выходило: за упокой душеньки медведя)... Но эти обмолвки были позже устранены поэтом. Зато в "Буре" так и остался навсегда стих:

Промочила ножки и хоть выжми шубку, -

хотя речь идет о летней грозе... Но всего досаднее недосмотр в превосходной картине рубки леса в поэме "Саша":

Там, из-за старой нахмуренной ели,
Красные грозди калины глядели...

Значит, дело происходит осенью (осенью и производится обыкновенно рубка леса); но дальше появляются вдруг разевающие желтые рты галчата, которые выводятся только весной...

Прозаические обороты и целые тирады, к сожалению, нередко врываются у Некрасова диссонансом в самые безукоризненные вещи, написанные "бессмертной красоты стихами". В "Рыцаре на час", например, читаем:

Даль глубоко-прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета:
Голубой, беловатый, лиловый...

Или в замечательную по поэтическому, чисто народному колориту песню воеводы Мороза (в поэме "Мороз, Красный нос"), обходящего дозором свои лесные владенья, замешиваются каким-то образом такие грубые стихи:

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам - хоть руби топором!

Наконец, в "Крестьянских детях" есть такое стихотворное рассуждение:

Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему...

Этот, как видит читатель, довольно длинный перечень промахов и изъянов при желании можно бы увеличить, но зачем? Что этим было бы доказано? По нашему мнению, только то одно, что высокочаровитый поэт, превосходно знавший русскую действительность и русскую природу, на заре жизни, когда другие юноши еще учатся, спокойно и беспрепятственно

развивая свои способности, прошел уже тяжелую школу черной литературной работы, постоянной спешки и лихорадочного возбуждения. Не получив систематического образования, Некрасов по всей справедливости может быть назван гениальным самородком. Указывать на слабости и частные промахи его в доказательство того, что он не был поэтом, - нелепо, дико. Если бы мы захотели привести из Некрасова - в качестве не аргумента, а лишь примера - какое-нибудь стихотворение, отрывок высокой художественной ценности, мы сильно затруднились бы выбором: до того много у Некрасова истинно поэтических, прекрасных стихов и так много каждый из нас знает их наизусть. Но, конечно, читатель с удовольствием перечитает еще раз следующие строки, равных которым по красоте не много знает русская поэзия:

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем -
И не нашел я ничего!..
Я твой. Пусть ропот укорижны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны -
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиленьи посылаю
Всему привет...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль -
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали -
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил -
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

Напомним еще картину другого возвращения поэта на родину - в начале поэмы "Саша"; также - изображение девичьей тоски по милому в "Коробейниках" ("Хорошо было детинушке")

или горя оскорбленной, поруганной женщины-матери в "Крестьянке" ("Я пошла на речку быстрю"). А какие оригинальные, чисто народные картины родной природы встречаются в главном создании Некрасова- "Кому на Руси жить хорошо"!

Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась-затуманилась,
Стемнела и заплакала!..
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается -
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает:
Не дождь - там чудо Божие,
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

Мы намеренно не называем здесь стихотворений, посвященных памяти мученицы-матери, или таких как "Ликует враг", "Душно без счастья", "Баюшки-баю" и т. п., чтобы нам не сказали: в этих вещах пленяет вас не поэзия собственно, а глубина человеческого страдания или высота гражданского чувства... Никакого отношения к этому последнему не имеет, например, следующее, мало почему-то известное, но удивительно поэтическое стихотворение:

Тяжелый год - сломил меня недуг,
Беда застигла, счастье изменило;
И не щадит меня ни враг, ни друг,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
С своими кровными врагами.
Страдалица! Стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными глазами!
Упали волосы до плеч,
Уста горят, румянцем рдеют щеки,
И необузданная речь
Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые... Постой!
Не я обрек твои молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь...

Ведь это целая повесть разбитого существования... Видишь воочию эту женщину, ожесточенную долгими страданиями и обидами жизни, измученную подозрениями, утратившую веру в любовь и дружбу...

Жрецы и поклонники чистого искусства не любят Некрасова между прочим за его "тенденциозность". Но, прежде всего, что такое тенденциозность? Стремление уложить живую жизнь на прокрустово ложе предвзятых мнений и выводов. Разумеется, каждый писатель,

каждый художник изображает жизнь так, как она ему представляется, то есть всегда до известной степени субъективно. Если угол его зрения необычен, исключителен, то мы можем получить одностороннее, неверное изображение жизни; и, однако, тенденциозным его можно будет назвать лишь в том случае, если художник сознательно, намеренно извратит истину. Такого намеренного, холодно-рассудочного извращения у Некрасова нет. В этом лучше всего можно убедиться, анализируя его песни "О погоде", чаще всего подвергавшиеся нападкам критики. Говорят: какая сплошная гипербола! Какие кричащие краски! Вот - погонщик, бьющий поленом заморенную клячу; вот - мчащаяся во весь опор и задевающая за похоронные дроги коляска: "гроб упал и раскрылся"... В нем оказывается труп чиновника, погоравшего четырнадцать раз...

Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом...

Гипербола, не спорим, налицо, сгущенные, режущие глаза краски - также. И тем не менее в песнях "О погоде" мы видим сильную, горячую, искреннюю лирику. Все дело в том, что автор и не имел вовсе в этом произведении в виду психику и логику здоровых, счастливых людей. К их числу не принадлежал, конечно, в то время, когда слагались песни "О погоде" (1859), и он сам, истосковавшийся по идеалу, издерганный жизнью, которая на каждом шагу с ожесточением била по его туго натянутым нервам. В эти томительно долгие предрассветные годы, когда надежды на близкое обновление то разгорались ярким пламенем, то внезапно гасли и исчезали, жилось особенно тяжело, и Некрасов, и без того мало отрадного испытывавший в жизни, в песнях "О погоде" с несомненно глубокой искренностью и верностью действительности выразил тогдашнее болезненное, желчно-озлобленное настроение петербургского интеллигента, - то настроение, когда при утреннем пробуждении кажется, что "начинается день безобразный, мутный, ветренный, грязный", когда "злость берет, сокрушает хандра, так и просятся слезы из глаз"...

Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных -
Все сливается, стонет, гудёт,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет!

Ведь не надо было обладать умом Некрасова, чтобы понимать, что "все" не могут быть больны в Петербурге даже и при самой ужасной осенней погоде; и задумай Некрасов написать вещь, гладнокровно рассчитанную на эффект, он, конечно, сумел бы обойтись без подобных lapsus'ов. Но он был поэт искреннего, могущественно захватывающего чувства; он глубоко переживал те настроения, которые передавал в своих произведениях, и отсюда-то, быть может, произошли многие из тех мелких промахов, о которых мы выше говорили и которые при первом взгляде так поражают в этом quasi-холодном, quasi-практическом таланте. Почти каждое стихотворение Некрасова написано кровью сердца и соком нервов. Вот почему у него совсем мало вещей неинтересных, которыми так богаты жрецы чистого искусства. Недостатки формы отыщутся у Некрасова в самых безукоризненных (вроде даже "Рыцаря на час") произведениях, но зато и в самых слабых вы подметите у него достоинства, благодаря которым он на голову возвышается над своими собратьями. Стихи его всегда вытекают из живого человеческого чувства, из бодрой, деятельной мысли...